

АНАЛИЗ

ЭКСКЛЮЗИВ

Сергей Кортунов
кандидат исторических наук

ПАРАДОКСЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

В ближайшее время Россия примет новую военную доктрину. Можно с уверенностью предположить, что она, также как и Основные положения военной доктрины Российской Федерации 1993 года, будет в обеспечении обороноспособности страны акцентировать ключевую роль ядерного оружия, выполняющего функцию сдерживания потенциальных противников России.

На то имеются серьезные объективные основания.

Особенность демографической и экономической ситуации в России заключается в том, что в современных условиях рассчитывать на сколько-нибудь значительное приращение боевых возможностей Вооруженных Сил и других войск за счет оперативного проведения мобилизационного развертывания и дополнительного производства оружия и военной техники практически не приходится. Анализ совокупного оборонного потенциала страны, с учетом всех его составляющих, показывает, что в настоящее время она не обладает способностью к ведению длительной крупномасштабной обычной войны. В этих условиях в качестве единственной реальной основы обеспечения безопасности России выступают ее ядерные силы. Понятно и то, что в сложившихся условиях провести военную реформу мы в состоянии прежде всего под прикрытием ядерного щита, ядерного сдерживания.

О НОВОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ

В 1993 году мы уже отказались от обязательства бывшего СССР не применять ядерное оружие первыми. В новой военной доктрине эта позиция скорее всего будет уточнена. Также как и США, Россия должна оставить за собой право использования ядерного оружия в ответ на угрозу применения против нее и (или) ее союзников химического, бактериологического и ядерного оружия, а также в ответ на агрессию с применением обычного оружия в ситуациях, которые она будет считать критическими для безопасности государства.

Концептуальная основа ядерного компонента военной доктрины России заложена в послании Президента Российской Федерации по национальной безопасности от 13 июня 1996 года. В нем говорится:

"Российская Федерация последовательно проводит в жизнь политику ядерного сдерживания.

Эта политика основана на всестороннем анализе и долгосрочном прогнозе геополитической, социально-экономической и военно-стратегической ситуации, оценке состояния и перспектив научно-технического прогресса, что позволяет обеспечить оптимизацию структуры и состава сил ядерного и неядерного сдерживания, оборонно-промышленного потенциала, эффективное финансирование этого важнейшего направления национальной обороны и безопасности.

Российская Федерация на обозримый период сохраняет статус ядерной державы для предотвращения ядерного нападения или крупномасштабной агрессии с применением обычных вооруженных сил и вооружений против нее и/или ее союзников, а также для предоставления новым независимым государствам Содружества ядерных гарантий в качестве одного из элементов соглашений по военным вопросам. При этом Российская Федерация намерена строго следовать действующим и будущим договорам по стратегическим наступательным вооружениям и противоракетной обороне и готова к продолжению дальнейшего сокращения своего ядерного оружия на двусторонней основе с США, сохраняя баланс стратегических вооружений как гарантию от возврата к глобальному силовому противостоянию и к гонке вооружений. Россия также готова к переговорам по сокращению ядерного оружия на многосторонней основе с другими ядерными государствами до уровней, отвечающих требованиям стратегической стабильности".

Основными принципами политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, которые лягут в основу новой военной доктрины, являются:

- гласность принятых в государстве подходов к реализации политики ядерного сдерживания для обеспечения военной безопасности России;
- решимость высшего государственного и военного руководства применить ядерное оружие для защиты суверенитета и территориальной целостности России и ее союзников;
- сохранение ядерного потенциала Российской Федерации на уровне, достаточном для нанесения заданного ущерба любому государству или коалиции государств;
- сохранение и развитие научно-технического потенциала, производственной и испытательной базы, необходимых для совершенствования ядерных вооружений и повышения их безопасности;
- обеспечение ядерной безопасности.

Таким образом, в обозримом будущем Россия твердо намерена поддерживать свой ядерный статус. К вышеперечисленным причинам этого следует добавить также весьма высокую степень неопределенности развития военно-политической обстановки в мире.

Нет серьезных признаков того, что какая-либо держава "ядерного клуба" намеревается сегодня или завтра отказаться от ядерного оружия. НАТО по-прежнему сохраняет в Европе пусть символическое, но все же достаточное количество (сотни единиц) тактических ядерных вооружений. Не прекращают работ по совершенствованию своих потенциалов "неофициальные" ядерные страны, такие как Индия,

Израиль, Пакистан, Северная Корея. Еще около 15-20 государств мира или даже больше относятся, по различным оценкам, к "пороговым".

Все это заставляет вновь и вновь возвращаться к сложным вопросам о роли ядерного оружия в обеспечении международной и национальной безопасности на рубеже XXI века, об адекватности доктрины ядерного сдерживания современному этапу развития мировой политики и международных отношений.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Каких-то 8-10 лет тому назад между Россией (тогда СССР) и Западом имелось фундаментальное разногласие в представлениях о роли ядерного оружия в обеспечении международной безопасности. В Советском Союзе в публичных высказываниях утверждалось, что подлинная безопасность государств может быть обеспечена лишь на безъядерной основе и поэтому следует добиваться полного изъятия этого оружия из военных arsenалов. Этому подходу противостоял западный взгляд на ядерное оружие как единственно эффективное в нынешних условиях средство предотвращения всеобщей войны. С нашей стороны постулаты доктрины ядерного сдерживания подвергались решительной критике, на Западе же она считалась своего рода священными. Справедливости ради следует заметить, что это различие в концептуальных подходах не мешало СССР и США вести переговоры о сокращении ядерных вооружений и даже заключать в этой области важные соглашения.

Важно однако разобраться, носило ли это разногласие действительно фундаментальный характер? Если отвлечься от разного рода идеологических стереотипов и эмоциональных наслоений и трезво взглянуть в лицо сложившимся реальностям, то честный ответ на этот вопрос будет отрицательным.

Прежде всего следует отметить, что как принцип военной стратегии "сдерживание" - не изобретение ядерного века, а является столь же древним феноменом, как и сама война. При этом - как терминологически, так и по существу - данный принцип представляет собой один из постулатов именно оборонительной военной стратегии, поскольку предполагает не нападение, а разубеждение вероятного противника в том, что развязывание войны обеспечит ему достижение целей, на которые он рассчитывает. Фактически доктрина сдерживания изначально была тождественна доктрине предотвращения войны путем создания адекватной угрозы ответного удара, то есть отпора агрессии.

Что же привнес в эту ситуацию ядерный век? Только одно: в силу колоссальной разрушительной мощи ядерного оружия сдерживание стало осуществляться путем угрозы полного уничтожения потенциального агрессора или, как минимум, нанесения ему неприемлемого ущерба.

В этой связи было бы по меньшей мере наивным полагать, что какая-либо из ядерных держав, если она, конечно, не собирается нанести удар первой, осуществляет иную доктрину, чем доктрина сдерживания. И Советский Союз здесь не был исключением. На словах предавая анафеме ядерное оружие и подвергая ядерное сдерживание решительной критике, на практике он руководствовался именно этой доктриной. Можно привести не одно высказывание представителей высшего военного руководства СССР, подтверждающее этот вывод. Да иначе и быть не могло в условиях разделенного мира, когда действия другой стороны - особенно

в 50-60-е годы - воспринимались нами как балансирование на грани войны, как подготовка к внезапному нападению с применением ядерного оружия. Можно поэтому смело констатировать, что в годы холодной войны в чисто военном плане стратегические силы СССР были призваны выполнять примерно те же задачи, что и американские СНВ с той лишь

разницей, что советское руководство, в отличие от американского, считало дальнейшую опору на ядерное оружие как средство предотвращения войны бесперспективной и крайне опасной.

Следует развеять также глубоко укоренившийся в нашем сознании стереотип, согласно которому Соединенные Штаты несут полную ответственность за гонку ядерных вооружений. Да, они первыми испытали и создали ядерное оружие. Однако этот непреложный факт означает лишь, что США располагали в тот момент наиболее передовой технологией в данной области. Трудно поверить в то, что если бы у Советского Союза была реальная возможность создать ядерную бомбу в 1945 году или раньше, он бы не сделал этого. В дальнейшем же выход на передовые, по сравнению с США, позиции на тех или иных направлениях ядерно-ракетной гонки становился у нас предметом национальной гордости. Достаточно вспомнить, например, как в наших официальных заявлениях подавалось первое испытание термоядерного устройства или запуск в космос искусственного спутника Земли. В последующие годы военное соревнование между СССР и США в ядерной области развивалось в соответствии с логикой "действие-противодействие", лимитируясь отнюдь не моральными или какими-либо иными соображениями, а в основном лишь финансовыми и техническими возможностями. Что касается Советского Союза, то, обеспечив себе - во многом благодаря ядерному оружию - статус сверхдержавы, он стремился в 70-80-е годы во что бы то ни стало сохранить его путем поддержания военно-стратегического паритета с США, понимаемого сначала как количественное равенство в области СНВ, а затем как примерное равенство боевых возможностей ядерных сил сторон в различных видах боевых действий. При этом военное состязание продолжалось и после того, как все мыслимые и немыслимые потенциалы гарантированного уничтожения были многократно превзойдены. Таковы были жесткие "правила игры" биполярного мира, в котором СССР и США "сдерживали" друг друга, исходя из того, что другая сторона представляет собой "империю зла".

В свете всех этих фактов становится вполне понятным, почему наша критика доктрины ядерного сдерживания, равно как и всевозможные заклинания по поводу "аморальности" ядерного оружия, воспринимались на Западе как неконструктивные, а может, и не вполне искренние. Там судили о нашей политике не по декларациям, а по военным программам. Излишне говорить о том, что осязтимый разрыв между публично декларируемой военной доктриной и реальностями нашего военного строительства лишь усугублял недоверие к нам со стороны Запада, препятствуя поиску взаимопонимания по ключевым проблемам безопасности и разоружения. Следует, видимо, признать и то, что в отношении ядерного сдерживания США и другие страны Запада занимали более последовательную и честную позицию, чем мы. Де-факто же, отметим это еще раз, обе стороны основывали свою политику именно на этой доктрине. Подтверждение тому - Договор по ПРО. Таким образом, доктрина ядерного сдерживания и в самом деле аморальна, ибо превращает в заложников умозрительных построений миллионы людей.

С точки зрения стратегической стабильности эта ситуация в российско-американских отношениях продолжает оставаться определяющей и по сей день. И в реальной политике с ней нельзя не считаться. Такой же реальностью нашего времени является то, что ответственность за сложившееся положение несут не только США, но и другие ядерные державы. А потому любая критика сдерживания в полном объеме относится и к России.

Вероятно, есть только одно сколько-нибудь рациональное объяснение упорного нежелания руководства бывшего СССР согласиться с тем, что человечество, к сожалению, не выработало альтернативы сдерживанию как способу предотвращения войны. В течение многих десятилетий мы высокомерно считали себя "абсолютной цитаделью добра" и

с этих позиций полагали возможным поучать других, что является нравственным, а что - нет. При этом мы как бы закрывали глаза, что жить-то приходится в мире, испокон веков покоящемся на балансе силы, прежде всего военной. И поэтому волей-неволей мы вынуждены подчиняться его пусть далеко не совершенным, но вполне реальным законам и действовать в соответствии с навязываемой им логикой военного соперничества.

Другое соображение, которое побуждало советское руководство активно критиковать доктрину сдерживания, по-видимому, состояло в том, что, принимая во внимание повсеместное отвращение к ядерному оружию, благородные призывы к безъядерному миру позволяли без особых усилий выйти на весьма выгодные пропагандистские позиции.

Последовательная деидеологизация внешней политики современной России способствует постепенному избавлению от стереотипов мессианского мышления. Сейчас Россия понимает, что ядерное сдерживание - это "модус вивенди" современного мира, частью которого мы являемся, и поэтому, пока человечеством не создана принципиально новая система поддержания международной безопасности, необходимо принимать существующие "правила игры". Вопрос состоит в том, каким образом приблизить новый, безопасный для всех мир, отталкиваясь от сложившихся реалий, а не бесплодно противоборствуя (как некогда СССР) с ними.

СБЛИЖЕНИЕ ПОДХОДОВ

Двигаться в направлении концептуального переосмысления доктрины сдерживания СССР начал в конце 80-х годов. Тогда на высоком политическом уровне было признано, что мы нередко грешили упрощенным к ней отношением. Было также заявлено, что мы отдаем должное этой доктрине, поскольку на протяжении довольно длительного исторического периода она играла небезполезную роль в сохранении мира. Советский Союз выразил также готовность провести на уровне экспертов ядерных держав и государств, на территории которых размещено ядерное оружие, углубленное обсуждение концепции "минимального ядерного сдерживания".

С другой стороны, тогдашнее руководство США, включая президента Джорджа Буша впервые за послевоенный период выразило готовность вывести отношения Восток - Запад "за пределы сдерживания". Следует заметить, что эта концепция, в которой "сдерживание" первоначально трактовалось американцами как сдерживание социализма или советского экспансионизма (containment), а в последующем стало ею применяться и в отношении ядерного сдерживания (deterrence), представляла собой нечто качественно новое во внешнеполитическом мышлении США, которое раньше фактически никогда не выходило за рамки сугубо военно-силовых геополитических и эгоцентричных подходов.

В сущности именно тогда произошел фундаментальный сдвиг в подходах сторон к обеспечению безопасности, значение которого трудно переоценить. США впервые признали, что отношения с Россией в перспективе могут строиться на принципиально иной основе, чем угроза взаимного уничтожения. Мы же согласились с тем, что на пути к безъядерному миру в качестве промежуточного этапа возможно достижение такого уровня ядерного противостояния, которое соответствовало бы западной концепции "минимального ядерного сдерживания". Начавшаяся формироваться область согласия, открыла не только перспективу радикального сокращения ядерных арсеналов (СНВ-1 и СНВ-2), но и возможность начать поиск общих концептуальных подходов в движении к качественно новому состоянию мира, безопасность которого была бы основана не на гарантированной угрозе взаимного уничтожения, а на гарантированном отсутствии угрозы войны как таковой.

Стратегические ядерные потенциалы СССР и США,

накопленные к концу 80-х годов, намного превосходили все теоретические пороги достаточности, чтобы обеспечить сокрушительный ответный удар при любом сценарии первого удара потенциального агрессора. Однако несмотря на то, что удерживать друг друга от нападения, вероятно, можно было ядерными силами, в десятки раз меньшими, чем имелись на вооружении в тот момент, обе стороны по-прежнему осуществляли свои ядерные программы, исходя, в частности, из непомерно завышенных критериев неприемлемого ущерба в ядерной войне.

Причину этому, видимо следует искать в том, что обе стороны считали, что примерное равенство боевых возможностей стратегических ядерных сил сторон в различных видах боевых действий, обеспечивающее "равный ущерб" в ядерной войне, позволят им якобы поддерживать статус сверхдержав и переводить количественные параметры стратегических арсеналов в некие политические дивиденды. Эти ошибочные представления, господствовавшие в силу инерции мышления в сознании военно-промышленных кругов обеих стран, которые, по-видимому, склонны были рассматривать ядерное оружие в качестве допустимого инструмента политики, не могли, разумеется, не накладывать свой негативный отпечаток на процесс ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений.

Если посмотреть под этим углом зрения на заключенные в начале 90-х годов Договоры СНВ-1 и СНВ-2, то следует признать, что несмотря на то, что в политико-психологическом плане они, несомненно, стали значимым символом формирования нового характера российско-американского взаимодействия, намерения обеих сторон перешагнуть рубикон конфронтации, Договоры в то же время явились весьма скромным шагом в направлении создания стабильного стратегического взаимоотношения между Россией и США, не говоря уже об ограничении их ядерных потенциалов пределами "минимального сдерживания".

Одна из главных причин такого положения дел, по-видимому, заключается не только в давлении военно-промышленных комплексов обеих сторон на процесс переговоров, но и в том, что основные контуры Договоров СНВ-1 и СНВ-2 сформировались в принципиально отличных от сегодняшних политических условиях, в контексте широкого политического компромисса, призванного вывести двусторонние отношения из состояния глубокого кризиса. Тогда важен был сам факт продолжающегося диалога по военно-стратегической проблематике двух крупнейших ядерных держав. Этот диалог существенно отстал от развития политических событий, формирования принципиально новой основы российско-американских отношений.

В этой связи, учитывая, что программы создания стратегических вооружений первого десятилетия XXI века закладываются уже сейчас, чрезвычайно важным, с точки зрения укрепления стабильности и движения к "минимальному ядерному сдерживанию", а затем и к "миру без сдерживания", становится обеспечение непрерывности процесса ядерного разоружения, - безотлагательное начало переговоров о его следующем этапе, о глубоких сокращениях СНВ России и США, скажем, до 1000-1500 ед. с каждой из сторон.

Эти переговоры следовало бы назвать не СНВ-3, а переговорами о стратегической стабильности, поскольку основным их содержанием должно стать не просто дальнейшее, пусть радикальное, сокращение ядерных арсеналов, но коренная реорганизация остающихся ядерных сил, трансформация модели взаимного сдерживания. Это предполагает иной характер договоренностей. В своем военном строительстве стороны ориентировались бы на укрепление сил ответного удара и повышение их выживаемости, а также на дальнейшее снижение доли средств с высокой концентрацией боезарядов на носителях. Они не допускали бы появления в своих стратегических арсеналах таких средств, которые вызывали бы

озабоченность другой стороны за собственную безопасность на том основании, что они способны быть использованными для внезапного нападения.

Такая линия, как представляется, не только обеспечила бы непрерывность и преемственность переговоров о сокращении ядерных вооружений до уровня "минимального сдерживания", но и позволила бы в дальнейшем - во взаимодействии с другими ядерными державами - начать изучение путей совместного перехода от режима взаимного ядерного сдерживания к новой, значительно более безопасной модели стратегического взаимоотношения, обеспечивающей стабильность на неядерной основе.

О МИНИМАЛЬНОМ СДЕРЖИВАНИИ

Достигнутое в Хельсинки понимание оставляет и много вопросов. Главный недостаток в том, что условием любых переговоров о дальнейших сокращениях СНВ является ратификация Думой РФ Договора СНВ-2. Учитывая нынешние настроения российских депутатов, этого ожидать нельзя, по крайней мере, до конца года.

Обращает на себя внимание и то, что если в отношении будущих уровней на боезаряды установлены конкретные сроки (31.12.2007 г.), то применительно к другим "параметрам" СНВ-3 никаких сроков не обозначено.

Все эти неясные вопросы подлежат обсуждению как в рамках ПКС (что уже происходит), так и на предстоящих переговорах по СНВ, если и когда они начнутся.

Существо же минимального ядерного сдерживания, к которому Россия и США могли бы в принципе прийти уже в ходе следующего этапа переговоров по СНВ, заключается в достижении такого минимального уровня стратегических ядерных сил, на котором сохраняется их способность к сдерживанию через возможность нанесения заданного ущерба в ответном ударе. При этом ликвидируются возможности рационального применения ядерного оружия на лестнице эскалации конфликта - как горизонтально (расширенное сдерживание), так и вертикально (противосиловой удар). При определении параметров такого уровня необходимо отвергнуть не только способность к упреждающему противосиловому удару, но и вариант ответно-встречного удара, угрожающие кризисной стабильности, и сосредоточиться исключительно на сценарии ответного удара.

Что касается тактического ядерного оружия в Европе, то проблема эта имеет в гораздо большей степени политическое, нежели военное значение. На Западе тактическое ядерное оружие США, размещенное в Европе, всегда рассматривалось в качестве инструмента сдерживания гипотетического нападения СССР с применением превосходящих обычных вооруженных сил, а также как средство, обеспечивающее "трансатлантическую сцепку" с американскими стратегическими ядерными силами. Поэтому по своему назначению оно всегда считалось не столько тактическим, сколько "предстратегическим", равно как и предназначенное для применения на европейском ТВД ядерное оружие Франции и Великобритании.

В этом контексте становится ясным, что, во-первых, паритет в этой области между НАТО и Россией - во всяком случае для Запада - не имеет сколько-нибудь существенного военного значения, и, во-вторых, уровень этих сил напрямую связан с балансом обычных вооружений в Европе. Ликвидация в соответствии с Договором ОБСЕ дисбалансов и асимметрий в области обычных вооруженных сил в Европе открыла реальную возможность и достаточно радикальных сокращений ТЯО до уровня "минимального сдерживания". Каким будет этот уровень - возможно, следует определить в ходе специальных переговоров. Ясно, однако, что потенциалы сторон, которые будут приведены к этому уровню, должны исчерпываться именно функцией сдерживания и не создавать

впечатления у другой стороны в том, что они могут быть использованы в первом ударе, в том числе в интересах развязывания и ведения боевых действий обычными вооруженными силами.

Задача полного преодоления ядерного сдерживания на тактическом уровне, то есть полной ликвидации тактического ядерного оружия в Европе, вероятно, может быть решена несколько позже, когда в Европе будет построена эффективная система коллективной безопасности. Однако, учитывая стремительность развивающихся в Европе и в мире перемен, такая перспектива не кажется такой уж отдаленной. К тому же гарантийный срок российских боеголовок ТЯО (по западным оценкам, около 18 тыс.ед.) в Европе истекает в 2003-2005 гг. К этому времени вполне реально рассчитывать на трансформацию НАТО в военную составляющую новой евроатлантической организации с участием России, что позволит поставить вопрос о "нулевом варианте" по ТЯО в Европе.

Имеется еще одна немаловажная проблема, непосредственно связанная с определением уровня "минимального ядерного сдерживания". Это ограничение и сокращение ядерного оружия морского базирования. Без ее решения усилия на других направлениях ядерного разоружения, скорее всего, будут обесценены, ибо откроются широкие возможности для интенсивного "перелива" военного соперничества в данное направление гонки ядерных вооружений, "флангового" обхода будущих договоренностей по СНВ и ТЯО.

С учетом значительного военно-морского превосходства США и других стран НАТО, ядерные вооружения на морях имеют для России в плане сдерживания большое значение. Тем не менее еще СССР предложил США начать переговоры о поэтапном сокращении и ликвидации ядерного оружия морского базирования, в ходе первого этапа которых мог бы быть рассмотрен вопрос о ликвидации всего ядерного оружия на надводных кораблях. Видимо, это и привело бы к установлению "минимального ядерного сдерживания" на морях. Дальнейшие сокращения ядерного оружия были бы связаны с решением других проблем разоружения и с формированием на политическом уровне новой системы международной безопасности.

Применительно к тактическому наземному и морскому ядерному оружию понятие "минимальное сдерживание" носит, разумеется, условный характер и может рассматриваться лишь в качестве промежуточного этапа к его полной ликвидации. Ведь "минимальное сдерживание" по всей вероятности предполагает одновременно максимально высокий "ядерный" порог. А он объективно понижается с внедрением в ядерные арсеналы сторон нестратегического оружия. В этой связи в перспективе "минимальное сдерживание" должно обеспечиваться исключительно стратегическими силами России и США на уровне 1000-1500 боеголовок при полной ликвидации нестратегических ядерных вооружений.

Радикальное понижение ядерного противостояния не реализуется напрямую и оказывается связанным с решением многих других военных, политических и других вопросов. В этом плане ядерное разоружение представляет собой лишь часть куда более широкого процесса, протекающего через глубокие сокращения вооруженных сил и обычных вооружений и их структурную перестройку на началах ненаступательной обороны, через внедрение в межгосударственные отношения далеко идущих мер доверия, наконец, через коренные преобразования отношений Россия - Запад в целом, постепенное замещение военно-силовых инструментов поддержания мира гарантиями безопасности в политической, экономической, экологической и гуманитарных областях и их правовое закрепление в соответствующих двусторонних и многосторонних соглашениях.

Не подлежит сомнению, что продвижение через двусторонние и многосторонние контролируемые соглашения к новым,

определяемым уровнем "минимального ядерного сдерживания", количественно-качественным параметрам ядерных потенциалов будет способствовать не только преодоление конфронтационных подходов, характеризовавших международную обстановку всего несколько лет назад, но и глубокой и необратимой перестройке международных отношений на качественно иной основе, зарождению по существу новых структурных элементов механизма взаимной безопасности и необходимых гарантий его эффективного функционирования.

Поэтапный процесс ядерного разоружения не отвергает существования на определенном исторической отрезке времени и механизмов сдерживания. Однако в этот по существу переходный период от ядерной сверхвооруженности к безъядерному миру роль таких механизмов выполняли бы согласованные и договорно оформленные обязательства в условиях широкой разветвленной инфраструктуры контроля за их неукоснительным соблюдением, а также максимальной транспарентности военной деятельности. Иными словами, на этом историческом этапе ядерно-силовое сдерживание было бы преобразовано в политико-правовое, транспарентное и верификационное сдерживание.

Вероятнее всего, одновременно с развитием данного процесса будут включаться и определенные механизмы торможения. Практика показала, что ядерное разоружение - это материал, обладающий "повышенной сопротивляемостью", и по мере приближения к рубежу, за которым закончится "контроль над вооружениями" и начнется собственно ликвидация ядерного оружия, сопротивление, видимо, будет нарастать. Иными словами, достижение уровня "минимального сдерживания" возможно прежде всего за счет резервов избыточности ядерных арсеналов, но чем дальше, тем труднее будет продвигаться этим путем. В конечном счете именно "минимальное ядерное сдерживание" может стать непреодолимым барьером к безъядерному миру, ибо достижение минимального согласованного уровня ядерных вооружений по существу не затрагивает основ сдерживания и отнюдь не дает ответа на вопрос, что же в итоге будет лежать в основе международной безопасности в безъядерном мире, какова альтернатива сдерживанию?

Одним прыжком перескочить этот барьер и в одночасье покончить с ядерным оружием, как предлагают некоторые, видимо, не удастся, если человечество не увидит, что тот мир, в который оно вступает, будет безопасней прежнего. Ведь построение безъядерного мира в современных условиях не может, разумеется, пониматься как простой возврат к миру доядерному, со всеми его проблемами и противоречиями.

СДЕРЖИВАНИЕ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Несмотря на окончание холодной войны, принцип ядерного сдерживания утвердился в военных доктринах всех стран "ядерного клуба".

Парадоксом ядерного сдерживания как средства обеспечения безопасности является то, что для его эффективности необходимо, чтобы каждое из государств было уязвимо от ядерных сил других государств, в том числе в случае их применения в ответном ударе. Для того, чтобы ядерное сдерживание обеспечивало стратегическую стабильность, эта уязвимость должна быть постоянной и устойчивой. Такая уязвимость заставляет все страны ядерного клуба максимально исключать возможность конфронтации и искать в конфликтных ситуациях компромиссные решения, что делает уязвимость стабилизирующим фактором и в политической жизни. Любая попытка одного из государств снизить степень своей уязвимости до уровня, который породит у других государств сомнения в эффективности сдерживания, вызовет у других государств стремление повысить эффективность своих сил сдерживания до уровня, обеспечивающего необходимую уязвимость, то есть приведет к гонке в области стратегических вооружений.

В этой связи обеспечение эффективности сдерживания требует наличия достаточно развитых стратегических ядерных сил, включая систему их боевого управления и информационного обеспечения, уровень развития которых определяется субъективной оценкой уровня потерь, который заведомо сдержит агрессора от применения своих ядерных сил, с учетом его возможностей по обороне от ядерного удара.

Несмотря на то, что приверженность доктрине ядерного сдерживания явилась и является фактором, положительно влияющим на стратегическую стабильность, эта доктрина имеет и негативные аспекты.

Основными из них являются:

необходимость наличия достаточно мощного ракетно-ядерного потенциала, обладание которым и производство которого экологически опасно; непредсказуемые экологические последствия, к которым может привести применение ядерных сил в случае, если сдерживание не сработает; необходимость дальнейшего обладания ракетно-ядерным оружием, что входит в противоречие с асимптотической целью полной ликвидации ядерного оружия, зафиксированной в Договоре по нераспространению ядерного оружия, и морально оправдывает стремление других государств к обладанию таким оружием; недостаточная эффективность сдерживания против "неразумных" государств, которые могут рискнуть применить свои вооруженные силы, включая их ядерную компоненту, и пренебречь опасностью ответного удара. Хотя нет фактов, подтверждающих существование полностью "неразумных" ядерных государств, нельзя принципиально исключить появление такого агрессора или возникновение условий, которые сделают его поведение таковым.

Эти недостатки достаточно серьезны, и поэтому во многих странах мира, в частности, в России и США, ядерное сдерживание активно критикуется и идет поиск альтернативных путей обеспечения безопасности.

Ясно и то, что современные варианты доктрины ядерного сдерживания, принятые странами во время холодной войны, совершенно неадекватны новой международной ситуации и неприменимы для решения действительно актуальных международных задач, например, для борьбы против распространения ОМУ и ракетных средств его доставки в развивающихся странах. Тем не менее, одно из положений "Национальной военной стратегии США" гласит: "наличие мощного потенциала сдерживания во многих случаях является решающим фактором предотвращения распространения ОМУ". Как известно, это положение трансформировалось в США в целую стратегию "контрраспространения", предусматривающую применение военной, в том числе и ядерной, силы против "государств-парий".

Вслед за американскими военными, российские генералы также высказали свою озабоченность проблемой распространения ОМУ и стали рассматривать военно-силовые способы, включая применение ядерного оружия, в качестве возможного средства противодействия этому процессу. В июне 1994 г. бывший министр обороны Российской Федерации Павел Грачев, говоря об изменении ядерной политики в свете новой военной доктрины России, выразился в том смысле, что геополитическое пространство России и ее ближайших соседей с юга охвачено плотным полукольцом стран, принадлежащим к неафишируемому "ядерному клубу" и образующему размытую зону "ядерного риска". Он признал, что новая военная доктрина среди прочих вещей предназначена для сдерживания возможных "распространителей" ядерного оружия, которые могут угрожать России, и допускают применение ядерного оружия первыми.

Таким образом, всего лишь несколько лет, хотя уже тогда было известно, что такие страны как Индия, Израиль, Иран, Ирак,

Пакистан, КНДР и ряд других пытаются приобрести ядерное оружие, либо уже им владеют, эти страны не фигурировали в доктринах сдерживания. Сейчас это стало фактом.

Следует однако констатировать, что эффективная доктрина сдерживания применительно к распространению ОМУ, ракет и ракетных технологий пока не разработана. Например, наличие ядерных потенциалов у пяти государств не предотвращало локальных вооруженных конфликтов с применением ракетного оружия. Не было это препятствием и для приобретения этого оружия региональными "центрами силы", и даже его применения против крупнейших ракетно-ядерных стран, например, в ходе войны в Персидском заливе.

В практическом плане это ставит под сомнение эффективность ядерного сдерживания в отношении "третьих стран". Сдерживание, построенное на угрозе ответных ядерных репрессий на агрессию, не срабатывает при развязывании военных конфликтов и даже войн с использованием обычного оружия. Ситуация, когда ответная ядерная угроза возмездия не может быть реализована, лишь дискредитирует доктрину ядерного сдерживания.

Вместе с тем, как представляется, доктрина сдерживания - причем не обязательно лишь ядерного - может и должна быть применена по отношению к любому агрессору, обладающему ОМУ и ракетным оружием. Для этого, разумеется, необходима ее "легитимизация", в том числе, в рамках ООН. В то же время, сдерживание распространения и возможного боевого применения ОМУ значительно обесценит для стран "третьего мира" и ракетные средства доставки, поскольку при обычном боевом снаряжении доступное им ракетное оружие не так уж эффективно, хотя в будущем ситуация, возможно, изменится.

Несомненно, что разработка нового варианта доктрины сдерживания будет являться мощным стабилизирующим фактором в конфликтных регионах. С другой стороны, следует отметить, что декларация несостоятельности сдерживания по отношению к "специфическим" странам может оказать весьма негативное влияние на процесс распространения, поскольку она ведет к девальвации позитивных гарантий, предоставленных неядерным государствам (которые, в значительной степени определяли - и в момент заключения ДНЯО, и в настоящее время - приверженность многих государств этому Договору).

Суть доктрины сдерживания применительно к распространению ОМУ могла бы состоять в угрозе ответных действий, обеспечивающих нанесение "агрессору" ущерба, обесценивающего для него ту цель, которую он преследует приобретая (или создавая) ОМУ, ракетное оружие или осуществляя их боевое применение. При этом средства обеспечения доктрины сдерживания могут включать политические, экономические и военные санкции. Политические санкции должны быть направлены на подрыв политического престижа государства; экономические - на подрыв экономической мощи государства, путем различных форм ограничения международной экономической и финансовой деятельности государства; военные - на ослабление его военной мощи (в первую очередь в части потенциала ОМУ и ракетного оружия), снижение эффективности управления боевыми действиями, снижение (уничтожение) промышленного и экономического потенциала. Вид санкций, масштаб и форма их применения должны быть действенны, но адекватны действиям другой стороны и минимизировать возможность эскалации конфликта.

Для применения политических и экономических санкций к государству достаточно подтверждение фактов распространения, приобретения и использования технологий производства ОМУ или его приобретения (не говоря уже об их применении), особенно тех, приобретение и использование которых противоречит международным договорам, ограничивающим их распространение (например, ядерное, химическое и биологическое оружие). Распространение ракет,

технологий их производства также может быть поводом к применению политических и экономических санкций. Однако отсутствие широких международных договоров, ограничивающих и запрещающих распространение ракетного оружия и технологий их производства (РКРТ такого статуса пока не имеет), делает легитимность таких действий недостаточной. Военные санкции против государства обладающего или применившего ОМУ и ракетное оружие возможны только в случае начала с его стороны боевых действий против других государств, или в случае получения мандата от ООН (как это практически имеет место в Ираке) на военные санкции в случае угрозы развязывания военного конфликта со стороны этого государства.

При реализации военных санкций, вероятно, не вызывает сомнения принцип адекватности вида применяемого в процессе санкций оружия. В частности, вероятно, вряд ли оправдано применение ОМУ в ответ на применение обычного оружия. Эта адекватность (и понимание ее легитимности) заставляет государства отказываться от применения ОМУ первыми и тем самым обеспечивает эффективность сдерживания от применения ОМУ.

Сдерживать применение ракетного оружия (с обычным снаряжением) военными мерами вряд ли удастся: для этого нет законных оснований и это потребует, возможно, применения ядерного оружия, что вряд ли оправдано и целесообразно.

В то же время, учитывая, что сдерживание применения ОМУ достаточно эффективно и что ракетные средства доставки третьих стран с обычным оружием малоэффективны, доктрина сдерживания применения ОМУ косвенно сдерживает распространение ракет, поскольку снижает стимулы к его приобретению.

Учитывая, что политические и экономические санкции эффективны, если их поддерживают другие страны, а военные санкции (особенно в случае, если применяющая эти санкции страна не является объектом агрессии) требуют мандата ООН, то очевидно, что доктрина сдерживания должна быть доктриной мирового сообщества. Поэтому для того, чтобы стать эффективной доктрина сдерживания должна быть заранее и четко провозглашена. Должны быть определены условия и порядок ее применения. Политический механизм, приводящий в действие как доктрину сдерживания, так и ее конкретное применение в каждом конкретном случае - это механизм ООН - Совет Безопасности. Было бы целесообразно, чтобы реализацию доктрины по мандату ООН взяли на себя государства - постоянные члены Совета Безопасности, являющиеся ядерными странами. Эти страны должны создать специальный военный механизм, организующий и применяющий доктрину сдерживания. При этом необходима специальная разработка правовых основ доктрины и утверждение ее в ООН.

Сотрудничество между Россией и США в этой области могло бы состоять, в первую очередь, в разработке принципов доктрины сдерживания, в которых должны быть определены ее суть, международные организации и государства, которые могут и должны принимать решения о ее применении. На более позднем этапе оно (в случае санкционирования этих действий ООН) могло бы состоять в реализации этой стратегии в различных районах мира, путем образования вместе с другими странами совместных миротворческих сил, и обеспечения проведения военных операций необходимым оружием и их поддержкой со стороны информационно-разведывательных систем, что потребует создания системы сначала двустороннего, а затем и многостороннего мониторинга распространения ОМУ и ракетного оружия.

О ЧЕМ СПОРЯТ В США

В последнее время идеи полного ядерного разоружения становятся все более популярными в США. Многие сенаторы

США считают необходимым подтолкнуть администрацию Билла Клинтона к полномасштабному диалогу с Россией по корректировке подходов к стратегической стабильности и безопасности, успешно начатого, как они считают, при администрации Джорджа Буша, и фактически сведенного на нет за последние 3,5 года, несмотря на имеющиеся договоренности на этот счет.

Администрация США активно прорабатывает возможность шагов навстречу пожеланиям Москвы по проблеме сокращения стратегических вооружений. Речь идет не просто о согласии на диалог о начале консультаций по СНВ-3, а о перехвате Вашингтоном инициативы в этом вопросе.

Столь неожиданную готовность пойти навстречу Москве американцы намерены мотивировать стремлением облегчить ратификацию российским парламентом Договора СНВ-2. Кроме того, придание нового импульса российско-американскому взаимодействию в сфере ядерного разоружения, по их мнению, создаст предпосылки для углубления "партнерства" между Россией и США.

В то же время эксперты администрации признают, что Вашингтон пока не готов идти в вопросе о новых переговорах по СНВ дальше деклараций о принципах, а тем более говорить о продолжении сокращения ядерных арсеналов в конкретном плане. Предложения по будущей структуре стратегических ядерных сил США и возможным шагам по их дальнейшему сокращению будут подготовлены специальной экспертной группой осенью с.г.

В Госдепартаменте США считают, что диалог между Россией и США не должен сводиться лишь к достижению новых, более низких "потолков" для стратегических ядерных вооружений. В будущем Договоре СНВ-3 необходимо юридически зафиксировать взаимопонимания по проблемам транспарентности и необратимости ядерного разоружения, максимально быстрой дезактивации всех стратегических систем, подлежащих ликвидации по условиям Договора СНВ-2. Как подчеркивает помощник Президента США по национальной безопасности, С.Бергер, "я пришел сюда не только для восхваления периода после холодной войны, но для того, чтобы похоронить его". Заявляя, что блоки и барьеры, которые разделяли мир на протяжении 50 последних лет в основном демонтированы и сейчас главная задача - строительство новых институтов и взаимопонимания, адаптация старых, он, в частности, отмечает, что в новых условиях стал устаревшим и ненужным центральный принцип внешней политики США - сдерживание. Вместо этого все более решающее влияние на состоянии международных отношений оказывают "силы интеграции" (экономические, технологические, политические). Задача США - найти свое место в этом изменившемся мире и взять на себя лидерство в строительстве мирного и безопасного будущего.

В условиях заметного падения у американцев интереса к разоруженческой тематике неожиданно большое внимание было проявлено политической элитой США к публичным выступлениям в декабре-январе генерала в отставке Джорджа Ли Батлера. Бывший главнокомандующий стратегического авиационного командования, в чьем ведении находились стратегические ядерные средства наземного и воздушного базирования, начал последовательно проводить идею радикального сокращения ядерных вооружений. При этом обращает на себя внимание то, что предложения генерала привлекли внимание руководства администрации США.

В общем плане Батлер выступает за паритетное с Россией и значительное по масштабу сокращение стратегических сил, а также кардинальный пересмотр ядерной политики с целью отказа от "стратегии ядерного сдерживания путем устрашения". С практической точки зрения он предлагает отменить дежурство в постоянной готовности ядерных сил наземного и морского базирования, перебазируть оставшиеся тактические ядерные заряды из Европы на

территорию США, официально объявить об отказе от применения ядерного оружия первыми, немедленно начать переговоры с Россией о сокращении числа боезарядов до 2000 единиц.

Сложившаяся на данном отрезке времени ситуация способствует тому, что администрация Билла Клинтона может использовать идеи Батлера и возникший общественный интерес к теме для решения своих задач. Речь идет, прежде всего, о том, каким образом подтолкнуть Россию к скорейшей ратификации Договора СНВ-2. Если этого не будет сделано в самое ближайшее время, то американскому руководству, в первую очередь исполнительной власти, предстоит ответить на вопрос, что делать дальше со своими стратегическими силами. Проблема не может откладываться надолго, так как некоторые расходы должны быть заложены в бюджет следующего финансового года.

Поддержка Белым Домом "выступлений общественности и видных деятелей" за дальнейшее ядерное разоружение позволит администрации выступать инициатором процесса. Это не накладывает на Вашингтон никаких конкретных обязательств, но по американским оценкам, может подтолкнуть российское руководство к встречным, более масштабным и в то же время обязывающим инициативам.

О формировании новых подходов в США к проблеме ядерного сдерживания говорит и появление многочисленных докладов влиятельных исследовательских институтов США.

Так, Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями Национальной Академии Наук (НАН) США провела анализ американской ядерной стратегии применительно к новым условиям международной обстановки в период после окончания "холодной войны" и разработала рекомендации по внесению в нее существенных изменений в интересах достижения всеобъемлющего ядерного разоружения как конечной цели политики Администрации США в области контроля за ядерными вооружениями и расщепляющимися материалами.

Доклад НАН "Будущее американской оружейной ядерной политики", опубликованный 17 июня с.г., отражает взгляды американских ученых на возможные пути решения проблемы поэтапного снижения уровня ядерного противостояния между США и Россией и придание этому процессу характера необратимости.

В частности, авторы доклада считают, что произошедшие в последние годы серьезные изменения в международной военно-политической обстановке настоятельно диктуют необходимость пересмотра администрацией США национальной ядерной стратегии. По их мнению, США следует отказаться от тех ее положений, которые предусматривают применение или угрозу применения ядерного оружия для целей сдерживания "агрессии" со стороны потенциального противника с использованием сил общего назначения, а также химического и биологического оружия. При этом американские ядерные силы должны быть предназначены исключительно для выполнения функции сдерживания только возможных ядерных ударов по США и их союзникам. Специалисты Совета по внешним сношениям считают, что угроза применения ядерного оружия для противодействия химическому или биологическому нападению не только не способна сдержать "маргинальные" режимы, но, наоборот, подталкивает их к созданию новых видов собственного ОМУ и совершенствованию средств его доставки, которые в этом случае рассматриваются как фактор "гарантированного выживания" государства.

Сужение функционального предназначения ядерных сил США, по мнению авторов доклада, создаст благоприятные условия для активизации двусторонних российско-американских усилий по дальнейшему сокращению ядерных арсеналов двух стран и вовлечению в этот процесс других ядерных государств. В докладе содержится рекомендация

правительству США незамедлительно приступить к серьезной проработке с российской стороны основных положений Договора СНВ-3, что будет способствовать скорейшей ратификации СНВ-2 Государственной Думой России.

В этом контексте администрация должна безотлагательно начать "серьезные обсуждения" с Россией "относительно деталей" будущего соглашения по СНВ-3, не дожидаясь пока Дума ратифицирует Договор СНВ-2. После достижения уровня в 2000 ед. ядерных боезарядов для каждой стороны США следует предложить дальнейшее снижение до 1000 единиц, а затем - с привлечением к переговорам "заявленных и незаявленных" ядерных государств - можно было бы выйти на уровень в несколько сотен боезарядов.

Американские ученые считают, что после заключения договора СНВ-3 и вступления его в силу США и Россия смогут перейти к качественно новому этапу сокращения ядерных вооружений, предусматривающему включение в новые соглашения не только стратегического ядерного оружия, но и тактических ядерных боеприпасов. В конечном итоге суммарное количество ядерных боезарядов у каждой из сторон, по оценке ученых, может быть доведено до нескольких сотен единиц. При этом места базирования их носителей и системы боевого управления оставшимися ядерными силами должны однозначно удовлетворять требованию неузависимости от первого ядерного удара со стороны вероятного противника, что будет являться серьезным сдерживающим фактором при принятии любой из сторон решения о его проведении.

Параллельно с введением переговоров по вопросам сокращения ядерных арсеналов предлагается осуществить комплекс мероприятий по укреплению мер доверия между США и Россией путем взаимного отказа от поддержания ядерных сил в постоянной боевой готовности, прекращения практики планирования и распределения целей на территории противостоящей стороны для нанесения массированных ракетно-ядерных ударов и строгого выполнения положений Договора по ПРО в части, касающейся стратегических ракет. При этом авторы доклада считают, что объединенное стратегическое командование вооруженных сил США при подготовке плана распределения целей "СИОП" может отказаться от существующей концепции без какого-либо ущерба для национальной безопасности и перейти к так называемому "адаптивному распределению целей", суть которого заключается в минимально возможном применении ядерных сил по объектам на территории враждебных США государств, обладающих ядерным оружием, в качестве ответной меры в чрезвычайных обстоятельствах.

Особое внимание, по мнению авторов доклада, следует уделить повышению транспарентности и контроля за ядерными боезарядами. Должен быть прослежен путь движения каждой ядерной боеголовки от производства, постановки или снятия с вооружения, хранения на складах, деактивации.

В рамках более широкого подхода США могли бы в самое ближайшее время заявить об обязательстве не применять ядерное оружие первыми, поддержать создание безъядерной зоны в Центральной Европе, а также пересмотреть доктрину о массированном применении ядерного оружия в случае ядерного нападения. Конечной, хотя и отдаленной целью политики США должно стать "международное запрещение ядерного оружия". Такая программа действий открывала бы реальный путь к укреплению режима нераспространения ядерного оружия и способствовала бы усилению стратегической безопасности США.

Конечно, содержащиеся в докладе НАН США предложения по пересмотру национальной ядерной стратегии базируются на том факте, что уровень оснащенности сил общего назначения вооруженных сил США современными типами оружия и военной техники позволяет американскому

командованию планировать решение широкого круга боевых задач без применения ядерного оружия с гарантированным достижением поставленных целей. В этой связи ряд положений доклада, касающихся взаимоотношений с Россией в области ядерного разоружения, могут быть приняты администрацией Билла Клинтона для рассмотрения в интересах последующего практического использования в переговорном процессе по этой проблеме.

По мнению экспертов Совета по внешним сношениям (Нью-Йорк), в условиях лидерства Соединенных Штатов в мировой политике и их качественного превосходства в обычных вооружениях, а также на фоне деградации ядерного потенциала России ядерное оружие постепенно утрачивает ключевую роль как средство сдерживания и устрашения. Поэтому ядерные силы США могут быть существенно сокращены.

В подготовленном в феврале текущего года для Белого дома специальном докладе аналитики обосновывают свою точку зрения значительным снижением уровня ядерного противостояния и уже достигнутыми США результатами в области нераспространения ядерного оружия и контроля за ним (подписание ДВЗЯИ, бессрочное продление ДНЯО, отказ Украины, Белоруссии и Казахстана от ядерного статуса, замораживание ядерной программы КНДР). Эффективной альтернативой ядерному сдерживанию эксперты считают контроль над вооружениями, контрраспространение и эшелонированную стратегическую оборону, обеспечиваемую, в частности, системой ПРО.

Сохранение ядерного оружия для предотвращения нападения на Соединенные Штаты со стороны ядерных государств в современных геополитических условиях также представляется ими излишним. По оценкам экспертов, угроза нападения России или Китая на США крайне незначительна из-за ограниченности их военных возможностей и отсутствия политических целей, которые могли бы быть достигнуты подобным путем.

В докладе содержится призыв к публичному отказу администрации от использования ядерного фактора во внешней политике, что, как подчеркивается, станет весомым аргументом в пользу расширения контроля над вооружениями, облегчит выполнение российско-американских договоренностей по сокращению СНВ и создаст условия для их перерастания в многосторонние с участием других ядерных держав, а впоследствии и "неофициальных ядерных государств (Израиля, Индии и Пакистана). Это могло бы также подтолкнуть "пороговые страны" к прекращению собственных ядерных программ.

Традиционный американский подход к интернационализации своей политики нашел отражение в выдвинутой экспертами идее перестройки системы стратегического сдерживания на основе интеграции стратегических оборонительных систем ядерных государств, достижения договоренностей о прекращении производства расщепляющихся материалов, строгом учете имеющихся запасов и уничтожении их излишков.

Для детальной проработки упомянутых предложений рекомендовано сформировать под руководством помощника президента по вопросам национальной безопасности специальную межведомственную группу в составе старших должностных лиц госдепартамента, министерств обороны и энергетики, Комитета начальников штабов, Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, а также ЦРУ. Недавно группа представила Совету национальной безопасности доклад, содержащий оценки эффективности четырех последовательных этапов трансформации стратегических ядерных сил США (сохранение на уровне Договора СНВ-2, сокращение до 1000 боеголовок у США и России, до 100 единиц у каждого из ядерных государств и полное уничтожение ядерного оружия).

Предложения Совета по внешним сношениям в целом согласуются с рекомендациями других влиятельных исследовательских организаций Соединенных Штатов. Аналогичные этапы сокращения ядерного оружия приводились, например, экспертами Центра Генри Стимсона в докладе "Эволюция ядерных сил США" (декабрь 1995 г.) и были поддержаны в совместном заявлении отставных генералов и адмиралов о полном запрещении ядерного оружия (декабрь 1996 г.).

ДОКТРИНА "ЗАЗЕРКАЛЬЯ"

Есть основания полагать, что идея постепенного сокращения ядерных вооружений в перспективе будет одобрена администрацией США. Учитывая, что ядерное разоружение обещает благоприятное для Соединенных Штатов изменение баланса сил в сопоставлении с Россией, администрация рассматривает его как способ заставить ее отказаться от ядерного оружия, остающегося, по мнению американских аналитиков, последним ее атрибутом как великой державы. Кроме того, Белый Дом не может не принимать во внимание, что вопрос о сокращении ядерных сил поднимается в то время, когда Пентагон испытывает нехватку средств на развитие обычных высокоточных вооружений, считающихся более перспективными с точки зрения обеспечения военного превосходства. Одним из существенных резервов представляется сокращение расходов на ядерные силы, которые в настоящее время достигают, по разным оценкам, 25 - 33 млрд. долларов ежегодно.

Одним из самых сильных аргументов против доктрины ядерного сдерживания на современном этапе является, пожалуй, то, что она является органическим элементом сложившейся после второй мировой войны системы международной безопасности, от которой мы пытаемся избавиться в обозримой исторической перспективе.

Какие бы невероятные усилия ни предпринимались на самом высоком политическом уровне с тем, чтобы вырваться за пределы холодной войны, ситуация взаимного ядерного сдерживания, материализованная в чудовищно разросшихся военных потенциалах, будет с неизбежностью воспроизводить всю совокупность конфронтационных межгосударственных отношений.

В доктрине сдерживания имманентно заложена идея взаимного запугивания и состязания в наращивании ядерных вооружений. Она как бы абсорбирует в себе, а вернее, в инструментах своего осуществления - весь груз накопленных за долгие годы холодной войны взаимного недоверия, подозрительности, вражды и ложных, зачастую окарикатурных представлений друг о друге. Постепенное преодоление всех этих стереотипов, по всей вероятности, предполагает и новый взгляд на доктрину ядерного сдерживания.

До недавнего времени ядерная угроза была персонифицирована, иными словами, каждая из сторон рассматривала другую в качестве безусловного материального носителя такой угрозы. Отсюда и неверные оценки реальных намерений потенциального противника, представляющие собой главную причину дестабилизации стратегической обстановки.

Если же "образ врага" развеивается, то деперсонифицируется и ядерная угроза. Носитель этой угрозы исчезает, остается угроза как таковая. Психологически она уже начинает исходить не от другой стороны, а от самого ядерного оружия. Однако сама природа этого оружия такова, что как мало ни оставалось бы его в мире, его все равно будет "слишком много". Ведь оно в лучшем случае обеспечивает равную опасность, которая является ничем иным, как эрзацем, суррогатом подлинной безопасности. Даже если угроза преднамеренной ядерной войны будет сведена к нулю, вместе с ядерным оружием останется и опасность ее возникновения в результате

случайности, просчета либо провокации. Поэтому сколь угодно низкий уровень ядерного баланса несовместим с реальной - будь то международной или национальной безопасностью, - которая по своему определению является отсутствием опасности. Здравый смысл поэтому говорит: надо вести речь не о сдерживании с помощью ядерного оружия, а о сдерживании самого ядерного оружия. Это означает отказ от его наращивания и совершенствования, постепенное, но неуклонное уничтожение его запасов, вплоть до полной ликвидации и запрещения производства.

В этой связи можно с уверенностью сказать, что будущего за доктриной ядерного сдерживания нет, если, в частности, исходить из того, что человечество будет двигаться к новой мировой общности XXI века.

Если посмотреть на доктрину сдерживания в этом широком историческом контексте, ее абсурдный характер обнаруживается со всей очевидностью.

Прежде всего, сторона, исповедующая эту доктрину, кладет в основу своей политики наихудший вариант развития событий, исходя не из действительных намерений оппонента, а из оценок - подчас весьма произвольных - того потенциального вреда, который он может ей нанести. Трудно представить себе более нелепую ситуацию: ведь если ее спроецировать на отношения между людьми, наша жизнь станет невыносимой, поскольку в этом случае в каждом прохожем мы видели бы потенциального грабителя, насильника или убийцу. Тем не менее в доктрину сдерживания органически заложены именно подобные представления.

Другим имманентным пороком этой доктрины является полное несоответствие между предполагаемой рациональностью угрозы применения ядерного оружия и полной иррациональностью его применения в случае, если сдерживание "не сработает". Ибо если теоретически казалось бы, имеет смысл удерживать противника от нападения угрозой ответного удара, то никакого разумного обоснования нанесению такого удара найдено быть не может.

В самом деле, какой рациональной цели могла бы достичь через удар возмездия сторона, подвергшаяся ядерному нападению? Ведь она была бы по существу уничтожена и, следовательно, цель обеспечения безопасности уже отпала бы. Единственно возможным мотивом ответного удара может выступить лишь жажда отмщения. Однако месть, хотя она и свойственна природе человека, не является ни разумным, ни конструктивным действием.

Таким образом, доктрина сдерживания, предполагающая ответный ядерный удар в качестве "наказания" агрессора, применяющего ядерное оружие первым, по сути полностью расходится с традициями военного дела. Не предлагая каких-либо мер для обороны в традиционном смысле, но обещая подвергнуть отечество агрессора уничтожению, если таковое окажется уделом собственного отечества, она доходит до еще большего абсурда, выдвигая требование, чтобы ни одна из сторон не предпринимала серьезных усилий для защиты своего населения.

Возможно поэтому доктрина сдерживания порождает ощущение ирреальности: военный стратег должен непрерывно строить сценарии ядерных ударов и контрударов, в предотвращении которых и состоит, согласно этой доктрине, предназначение всего стратегического планирования. С позиций простой человеческой логики она представляет собой некое фантастическое умозрительное построение, вырабатываемое на протяжении более чем четырех десятилетий, в котором формальной логике, не сдерживаемой ни моралью, ни фактами действительности, ни элементарным здравым смыслом, было дозволено буйствовать на правах чистой теории, допускающей истребление человечества.

Ясно и то, что планируемые на основе доктрины сдерживания действия не могут быть не только рационально обоснованы с точки зрения классической военной стратегии, но и оправданы с позиций какой бы то ни было системы морали. Стоит признать "стратегическую необходимость" планирования мучительной смерти сотен миллионов людей и убийства целых народов, как тут же выясняется, что мы живем в мире, в котором мораль и реальность обитают в двух обособленных друг от друга сферах. Вся стратегическая мудрость обращается в моральную бессмыслицу.

И нам остается только выбор: либо стать стратегическими профанами, либо сознательно отбросить все нравственные, моральные, эмоциональные и другие соображения - короче говоря, все то, что помимо способности к абстрактному мышлению присуще представителям рода человеческого.

У доктрины ядерного сдерживания есть еще один аспект, о котором ее ярые адепты предпочитают умалчивать. Угроза уничтожения вероятного противника идентична угрозе уничтожения всего человечества. Современные исследования вероятных последствий ядерной войны недвусмысленно свидетельствуют о том, что результат окажется одинаковым как для агрессора и карающего его, так и для стороннего наблюдателя. Таким образом, "безопасность" ядерных держав куплена здесь фактически ценой угрозы истребления всего человечества.

В мире, в котором господствует доктрина сдерживания, ядерные силы государств по существу соединены в одно целое - своего рода "машину судного дня", которая покарает всех уничтожением, если сдерживание "даст сбой". И каждому члену "ядерного клуба" фактически предоставлена возможность наложить вето на дальнейшее существование рода человеческого. Если бы какое-либо общество предоставило каждому своему гражданину возможность убивать других граждан, то, вероятно, оно считалось бы по меньшей мере абсурдным. Однако по какой-то причине, когда дело касается организации целого мира и обеспечения его выживания, находится немало ответственных политиков, которые рассматривают такой порядок вещей как шедевр мудрого государственного управления.

Будучи не в состоянии отрицать очевидные пороки доктрины сдерживания, эти политики приводят "козырную", с их точки зрения, довод: сдерживание обеспечивало мир в течение более чем сорока лет. При этом они, однако, не приводят никаких доказательств. Впрочем, это не удивляет. Доказать данный тезис и в самом деле не представляется возможным: с тем же основанием можно сказать, что мир в эти годы сохранялся, например, за счет братской любви. Ведь проверить-то это уже никак нельзя.

Однако, даже если допустить, что мир обеспечивается именно доктриной сдерживания, следует признать и то, что цена, которую приходится платить за него, слишком высока. С тех пор как человечество вступило в ядерный век, оно живет в обстановке, когда механизм уничтожения полностью отлажен, и спусковой крючок удерживается на волоске от того, когда он будет внезапно и стремительно приведен в действие. Разум отказывается верить, что столь многое зависит от столь малого, что весь окружающий человека природный мир, равно как и сама человеческая цивилизация, дополнившая чудеса эволюции своими собственными чудесами искусства, науки, социальной организации и духовного возвышения, в один миг могут быть ввергнуты в небытие.

Угроза полного истребления несоизмерима ни с какой другой опасностью, с которой человечеству приходилось сталкиваться на протяжении всей своей истории. Сама вероятность того, что ядерная катастрофа могла бы завершиться его исчезновением, как представляется, лишает членов мирового сообщества всякого права вести столь рискованную игру. Ведь другого шанса предоставлено уже не будет.

В этой связи господство в сегодняшнем мире доктрины ядерного сдерживания можно расценивать лишь как свидетельство того, что по какой-то причине человечество до сих пор по существу отказывается всерьез считаться с тем исключительным значением, которое имеет для него вступление в ядерный век, и пока не вышло из состояния странного интеллектуального и морального оцепенения, парализующего волю к жизни и к решительным действиям во имя ее сохранения.

Вероятно, есть только одно рациональное объяснение этому поразительному явлению: с появлением ядерного оружия традиционный образ военно-политического мышления и по сей день не изменился. Ядерная революция не привела к перестройке сознания. Возникла ситуация, когда человечество, с одной стороны, стало располагать чудовищной военной силой, применение которой чревато его полным истреблением, а с другой - продолжает цепляться за представления доядерного века, будто такое истребление остается невозможным. В сущности мы пытаемся довольствоваться ньютоновской политикой в эйнштейновском мире.

Доктрина ядерного сдерживания представляет собой по сути дела отталкивающий политический и интеллектуальный продукт попытки человечества жить одновременно в двух мирах - ядерном научном и доядерном военном и политическом, или иначе - проявление фундаментального разрыва между доядерной основой подхода человечества к политической жизни и реальностями современного ядерного мира. Однако самого осознания этой непреложной истины недостаточно для преодоления этой доктрины. Политические реальности нашего времени таковы, что наметившаяся в последнее время "деперсонализация" ядерной угрозы должна быть формализована в виде соответствующих договоров о ядерном разоружении.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ

В настоящий момент в международных разоруженческих кругах дебатировать по крайней мере три варианта выхода из ситуации взаимного ядерного сдерживания.

Первый можно, вероятно, назвать традиционным. Его смысл состоит в том, чтобы ратифицировать Договор СНВ-2 и затем незамедлительно приступить к переговорам об очередном этапе радикальных сокращений ядерных вооружений - СНВ-3. Некоторые специалисты при этом не исключают возможность подготовки и последующих договоренностей - СНВ-4 и даже СНВ-5.

Конечно, Договор СНВ-2 не идеален. И в его адрес раздается немало справедливых критических замечаний. Специалисты, участвовавшие в его подготовке помнят, в какой спешке это проходило. Проигравшей на выборах в 1992 году администрации Джорджа Буша нужно было во что бы то ни стало заключить этот Договор до своего ухода с тем, чтобы не оставить "лавров" демократам. Российская же дипломатия в 1992 году без особых возражений подчинялась "старшему партнеру". Свою роковую роль сыграл и тот факт, что кое-кому в российском правительстве тогда нужен был видимый внешнеполитический успех для отчета Президенту и соответственно, сохранения своего кресла.

В результате Договор оказался половинчатый: он не оправдал тех надежд, которые на его возлагались политиками и экспертами обеих стран, прежде всего, конечно, России. Не решил он и основной массы тех проблем, которые остались "за бортом" Договора СНВ-1. Наконец, он был внесен в парламент на ратификацию в условиях, когда Минобороны не разработало программы развития стратегических ядерных сил хотя бы на несколько лет вперед и с учетом обязательств России по Договору.

Тем не менее ратификация Договора СНВ-2, на мой взгляд, необходима. Сласти ратификацию можно, если сопроводить ее рядом дополнительных условий (или поправок), в том числе:

заявлением о необходимости соблюдения сторонами всех положений Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 году;

исключением возможности ускорения темпов ликвидации СНВ (из-за недостаточных для этого пропускной способности баз ликвидации ракетных войск и возможностей Минатома Российской Федерации по утилизации высвобождаемых ядерных зарядов);

заявлением о приоритетности в ходе последующих российско-американских переговоров мер по ограничению ядерных вооружений морского базирования (стратегических и средней дальности).

К этому следует добавить, что договоренность о продлении срока выполнения Договора СНВ-2 до конца 1997 года, достигнутая в марте с.г. в Хельсинки, снимает основную озабоченность Минобороны и парламента России относительно временных возможностей его реализации.

Нашим же возможным ответом на крайне маловероятный "наихудший вариант" расширения НАТО на восток (с приближением к российским границам военной, в том числе и ядерной инфраструктуры) мог бы стать отказ от принятого одностороннего обязательства не выводить на маршруты боевого патрулирования железнодорожные ракетные комплексы, поскольку в неподвижном состоянии они становятся более уязвимыми при внезапном ударе тактической авиации НАТО в случае использования восточно-европейской сети аэродромов.

При всех различиях в оценках Договора вряд ли можно ставить под сомнение, что он станет крупной вехой как в истории ограничения ядерных вооружений, так и в отношениях между Россией и США. Являясь результатом признания обеими сторонами их особой ответственности за уменьшение опасности возникновения ядерной войны, укрепление стратегической стабильности, упрочение мира и международной безопасности, Договор означает поворотный пункт в российско-американских усилиях в области ограничения вооружений, ориентируя их на установление отношений, характеризующихся большей рациональностью, открытостью, сотрудничеством, предсказуемостью и стабильностью.

В более широком политическом плане Договор является символом формирования нового характера российско-американского взаимодействия. Как сам факт крупномасштабных ограничений и сокращений ядерной мощи, так и заложенный в Договоре разветвленный механизм контроля будут способствовать внедрению в российско-американские отношения беспрецедентных стандартов доверия и открытости, создавать предпосылки как для коренной переоценки характера военной угрозы, так и для разрешения возникающих конфликтных ситуаций исключительно политическими средствами.

Критики Договора должны признать, что в результате осуществления предусмотренных в нем сокращений при любых возможных структурах СНВ в условиях сохранения Договора по ПРО безопасность России будет обеспечена в полной мере. "Запас прочности" ядерных потенциалов не оставляет сомнений в том, что при любом гипотетическом варианте нападения каждая из сторон сохранит достаточный арсенал средств для нанесения неприемлемого удара возмездия, разрушающего военно-экономическую структуру другой стороны. Это позволяет характеризовать стратегическую ситуацию в целом как стабильную, обеспечивающую достаточно надежное взаимное ядерное сдерживание.

Вместе с тем Договор, разумеется, нуждается в более глубокой оценке, лежащей за пределами традиционных представлений о военно-стратегическом балансе. Выйти за эти пределы не так просто, как кажется. Особенно специалистам, которые принимали непосредственное участие в выработке Договора. И тем не менее сделать это необходимо. В противном случае может быть упущена основная цель и перспектива переговоров по ядерным и космическим вооружениям. А эта цель была определена в совместном заявлении от 8 января 1985 г. следующим образом: "Выработка эффективных договоренностей, направленных на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на Земле, на ограничение и сокращение ядерных вооружений, на укрепление стратегической стабильности... В конечном итоге, по мнению сторон, предстоящие переговоры, как и вообще усилия в области ограничения и сокращения вооружений, должны привести к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду".

В плане реального движения к этой цели - Договор, конечно, весьма скромный шаг, тем более, что предусмотренные в нем сокращения СНВ носят весьма условный характер: ни ядерные боезаряды, ни основная масса снимаемых с вооружения ракет не подлежат физической ликвидации, хотя они и будут выведены из боевого состава. Так или иначе, но после его осуществления в арсеналах сторон останется колоссальный избыток ядерной мощи, многократно превышающий все мыслимые критерии разумной достаточности для того, чтобы удерживать друг друга от нападения угрозой ответного удара. Иными словами, Договор не только не выведет стратегическое взаимоотношение сторон за пределы взаимного ядерного сдерживания, то есть ситуация, при которой Россия и США рассматривают друг друга в качестве потенциальных агрессоров, а стабильность обеспечивается опасностью взаимного уничтожения, но даже не ограничит их ядерные потенциалы уровнем "минимального ядерного сдерживания".

Могут сказать, что Договор СНВ-2 дополняется соответствующей декларацией о ненацеливании ракет США и России соответственно на объекты, расположенные на территории России и США. Как известно, такая договоренность имеется и между Россией и Великобританией.

Вместе с тем, детальный анализ заявлений о ненацеливании показывает, что они носят исключительно политический характер, что, конечно, также немаловажно. В техническом же плане ненацеливание ракет на объекты другой стороны не требует какой-либо переделки современных систем боевого управления стратегическим ядерным оружием и дополнительных затрат времени. За ним к тому же невозможно установить какой-либо контроль. В этом плане характерно мнение Председателя Подкомиссии по НИОКР в военной области конгрессмена-республиканца К.Уэлдона, который недавно заявил, что ненацеливание нисколько не способствует укреплению национальной безопасности США, а наоборот - является "дезорентирующим фактором", создающим ложное впечатление защищенности и отвлекает внимание от "истинных потребностей" скорейшего развертывания национальной ПРО. При этом на слушаниях на экспертном уровне было подчеркнуто, что "ненацеленность" не поддается проверке, так как обратный процесс занимает считанные секунды, а заявленный Россией "нулевой вариант" нацеливания при несанкционированном пуске якобы автоматически сбрасывается, и срабатывает одна из прежних программ поражения целей, сохраненных в памяти компьютера. По мнению известного американского специалиста Брюса Блэйра, возвращение полетного задания ракетам потребует всего 10 секунд.

Возвращаясь к Договору СНВ-2, следует сказать, что сами по себе планируемые в соответствии с ним сокращения СНВ (если отвлечься от предусмотренных в нем мер контроля, открытости и предсказуемости) вряд ли можно расценить как

кардинальный сдвиг в направлении создания действительно стабильного стратегического взаимоотношения России и США даже в рамках модели взаимного ядерного сдерживания.

Договор программирует для обеих сторон ликвидацию большого количества устаревших вооружений, гарантийный срок службы которых так или иначе истекает. Разрешенные же им параметры модернизации СНВ создают предпосылки не только для придания потенциалам сторон принципиально новых противосиловых возможностей, но и для технологического прорыва на новых направлениях развития военной техники, способных оказать существенное дестабилизирующее воздействие на стратегическую ситуацию. Нельзя сбрасывать со счетов и вполне реальную перспективу ускоренного развития высокоточных неядерных вооружений стратегической дальности, в том числе за счет допускового переоборудования тяжелых стратегических бомбардировщиков. Все эти нерешенные проблемы будут постоянно подпитывать озабоченности сторон, и если Договор не будет подкреплён следующим этапом переговоров (СНВ-3), политический капитал, накопленный в процессе его подготовки, может быть быстро исчерпан.

Но главное даже не в этом. Фактически в Договоре отражено стремление обеих сторон обеспечить себе способность "равного ущерба" в ядерной войне, которая сегодня представляется крайне маловероятной. Иными словами, в нем закреплена "негативная парадигма" российско-американского стратегического взаимоотношения, которая выстраивалась, исходя из "наихудшего" возможного варианта развития событий.

В этом плане Договор представляет собой не более чем фундамент, "нулевой цикл" для строительства стабильного стратегического взаимоотношения между Россией и США, замены "негативной парадигмы" такого взаимоотношения на "позитивную парадигму" стратегического взаимодействия. И его основная ценность заключается в том, что он создает условия для следующего этапа ядерного разоружения, который должен если не обеспечить, то приблизить достижение главной цели переговоров, как она сформулирована в январском (1985 года) совместном советско-американском заявлении.

Вместе с тем, учитывая "подвешенность" вопроса о ратификации Договора СНВ-2 в Государственной Думе, а также договоренность с США о базовых параметрах договора СНВ-3, оптимальным вариантом было бы сейчас, не дожидаясь ратификации первого, приступить к переговорам (или, хотя бы, консультациям) по следующему этапу сокращения ядерных вооружений. В конечном итоге, если Договор СНВ-2 не будет ратифицирован Госдумой, можно было бы объединить этот Договор с будущим договором СНВ-3 и вновь представить его в парламент: тем более, что поскольку сроки этих договоров теперь совпадают (конец 1997 г.), речь и в самом деле по существу идет об одном соглашении. Затем можно было бы приступить к переговорам о более далеко идущих мерах по укреплению стратегической стабильности.

Несмотря на то, что данный, традиционный вариант, вероятно, является оптимальным, к сожалению, в силу разного рода объективных и субъективных причин - он, конечно, не гарантирован на все сто процентов. В настоящее время, когда проблема ратификации Договора СНВ-2 Россией по-прежнему вызывает у наших депутатов серьезные сомнения, ряд экспертов предлагает серьезно продумать альтернативные варианты действий исполнительной власти России.

Прежде всего следует отметить, что России в ближайшие 10-15 лет скорее всего придется осуществить гораздо более значительные сокращения СНВ, чем это предусмотрено Договором СНВ-2 (а возможно, и СНВ-3), что происходит из технического состояния существующих сил и ограниченных

возможностей по производству и развертыванию новых образцов. Вместе с тем, ни у России, ни у США не существует сегодня серьезных возражений против продолжения процесса ядерного разоружения. Вместе с тем ряд важных факторов оказывает сильное влияние на осуществление дальнейших шагов в этой области. Например, ратификация Договора СНВ-2 напрямую связывается с вопросом о расширении НАТО. С другой стороны, вряд ли можно ожидать, чтобы США пошли сейчас на подписание последующего соглашения без ратификации Россией Договора СНВ-2.

Как представляется альтернативным вариантом могло бы стать заявление России об односторонних шагах в области ядерного разоружения. Важно, что такое решение предоставляет России определенную независимость как в плане военного строительства, так и стратегического мышления, которые до последнего времени находились под сильнейшим влиянием Соединенных Штатов. Одним из вариантов подобного решения мог бы стать план одностороннего сокращения СНВ России до уровня примерно 1000 ядерных боезарядов в течение, скажем, последующих 15 лет - до 2010 года. Развертывание новых систем могло бы быть осуществлено несколькими способами в зависимости от существующих экономических и технических возможностей. В любом случае главной задачей должно быть сохранение высокой степени защищенности и неуязвимости российских СНВ.

Например, может быть избран вариант "диады" - развертывание стратегических боезарядов на наземных (МБР) и морских (БРПЛ) носителях в той или иной конфигурации. При этом с точки зрения повышения живучести ядерных сил важно обеспечить высокий "коэффициент присутствия" подводного компонента, т.е. постоянное нахождение на боевом патрулировании не менее 50% подводных лодок, а для наземных сил - или развертывание систем ПРО вокруг шахтных пусковых установок (ШПУ) МБР, или полный переход на мобильные системы, или то и другое вместе.

С практической же точки зрения данные силы должны играть роль сдерживающего фактора против ядерного нападения на страну. В данном случае речь должна идти о гарантированной возможности нанесения неприемлемого ущерба (большинство из опрашиваемых по этому вопросу американских политиков и экспертов считает, что для США такой неприемлемый ущерб может быть причинен при нанесении удара по их территории не более, чем 40 ядерными боезарядами).

В случае объявления Россией о намерениях в одностороннем порядке сократить свой стратегический арсенал, следует ожидать и соответствующей реакции со стороны Соединенных Штатов. Там наверняка встанет вопрос о дальнейших глубоких сокращениях, поскольку необходимость поддержания Соединенными Штатами столь крупного стратегического арсенала прежде всего обуславливалось размерами и качественными характеристиками СНВ СССР, а теперь - России.

Разумеется, принятие подобного решения потребует всестороннего и углубленного анализа всего комплекса военных, политических, технических и экономических последствий осуществления данных действий. Вместе с тем уже сейчас можно отметить ряд преимуществ подобного решения по сравнению с продолжением процесса переговоров с США по глубоким сокращениям СНВ. Так, в ходе переговоров каждая из сторон исходит из своего собственного представления о безопасности и пытается навязать партнеру собственное видение количественной и качественной структуры сил сторон, при котором эта безопасность будет укрепляться.

Практика переговоров с США показывает, что во многих случаях советская (и сейчас - российская) сторона фактически шла на поводу у американцев, соглашаясь с их идеями, заложенными в предлагаемые проекты соглашений. Так было

с Договором по ПРО, когда СССР практически признал дестабилизирующий характер оборонительных систем, в чем его убедил американское руководство того времени. То же самое можно сказать и о целом ряде других соглашений, в которых нашло свое отражение именно американское видение стратегической стабильности. Наиболее ярким примером последнего времени является Договор СНВ-2, в котором Россия фактически признала дестабилизирующий характер МБР с РГЧ и взяла на себя обязательство полностью их ликвидировать, что на практике ведет к коренной ломке складывавшейся десятилетиями структуры СНВ страны.

С точки зрения необходимости укрепления стратегической стабильности, отказ от МБР с РГЧ при глубоких сокращениях СНВ сторон выглядит вполне оправданным. Но в современных условиях, когда США и Россия объявили об отказе рассматривать друг друга в качестве "вероятных противников" и, как следствие, даже об отказе нацеливать свои СНВ друг на друга, следование столь жестким критериям стратегической стабильности вряд ли соответствует духу нового характера отношений между двумя странами. Сейчас каждая из сторон имеет полное право претендовать на большую свободу действий в области строительства своих вооруженных сил, исходя из имеющихся возможностей и экономической ситуации, и, естественно, в рамках общей тенденции к понижению уровня ядерного противостояния. Конкретно для России это может означать определенную свободу выбора в том, что сокращать в первую очередь и что - в будущем, а также в какие сроки осуществить подобные преобразования. Кроме того, решение об одностороннем сокращении СНВ позволит России сначала выбрать и принять собственную ядерную стратегию, а затем создать структуру СНВ, необходимую для реализации принятых решений. Таким шагом Россия, как представляется, наконец-то, вернется к нормальному положению вещей в ядерной области в отличие от предыдущих лет, когда на первый план выступала количественная и качественная структура СНВ (что диктовалось международными соглашениями в этой сфере), под которую должна была "подгоняться" стратегия их применения.

С этой точки зрения следовало бы более внимательно присмотреться к ядерной стратегии Великобритании, Франции и Китая, которые на протяжении многих лет существуют в условиях несоизмеримо более низких уровней собственных ядерных вооружений по отношению к "вероятным противникам". При этом данные страны никогда не ставили вопрос о необходимости достижения равенства в количестве или возможностях своих СНВ по сравнению с СССР или США. Тем не менее принятые этими странами критерии для собственных ядерных сил доказали свою жизнеспособность и эффективность. Во всяком случае, в нынешних условиях не стоит, видимо, игнорировать накопленный этими странами опыт, продолжая придерживаться устаревшего принципа равенства с США. Этот принцип имел смысл в условиях холодной войны и во многом носил политический, а не военный характер. Сейчас же, по мнению некоторых российских экспертов, можно серьезно рассматривать вопрос о возврате к первоначальному принципу, который отстаивал СССР на первых этапах переговоров с США, а именно - **принципу одинаковой безопасности**. С точки зрения военной безопасности и учитывая разрушительную мощь ядерного оружия, следование этому принципу отнюдь не предполагает наличия примерного арифметического равенства в количестве боезарядов с другой стороной.

Естественно, следует самым серьезным образом продумать политическую форму заявления об односторонних сокращениях, в котором, по сути дела, будет констатирован отказ России от Договора СНВ-2 прежде всего в части сроков снятия с боевого дежурства и ликвидации всех МБР с РГЧ. Но, как представляется, сама идея односторонних глубоких сокращений СНВ в течение значительного срока времени уже несет в себе предпосылки к ослаблению существующего ажиотажа вокруг Договора СНВ-2 в России, равно как и

ожидаемой резко негативной реакцией в мире в случае провала его ратификации.

Наконец, сама идея об объявлении программы односторонних сокращений СНВ России, предварительно доведенная в соответствующей форме до российских законодателей, может стать серьезным инструментом в руках администрации в пользу ратификации Договора СНВ-2. В этом случае уже законодательная власть будет стоять перед выбором продолжения ядерного разоружения на паритетных началах с США, или же перед перспективой потери контроля за ядерным разоружением другой стороны в случае принятия исполнительной властью программы односторонних сокращений.

Наконец, третий обсуждаемый в международном сообществе вариант трансформации ядерного сдерживания, можно было бы отнести к **функциональному (operational)**. Речь идет о поэтапном понижении боеготовности СНВ на взаимной основе. Этот подход высказывают на страницах газеты *Washington Post* бывший председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил Сэм Нанн и эксперт по проблемам разоружения из Института Брукинга Брюс Блэйр. "Взаимные и проверяемые меры", - считают они, резко сократили бы опасность случайного или несанкционированного пуска ядерных ракет. "Для США и для России - пишут эксперты, - пришла пора избавиться от психологических оков политики сдерживания, снять с боевого дежурства стратегические силы и задействовать новую формулу, которая привела бы в соответствие ядерную политику с установившимися между двумя странами отношениями в политической области". По мнению Нанна и Блэйра, на смену доктрине "взаимного гарантированного уничтожения" времен холодной войны должна прийти доктрина "взаимной гарантированной безопасности".

"Под снятием с боевого дежурства, мы подразумеваем осуществление системы мер, которые увеличили бы время, - отмечают авторы, - необходимое для подготовки ядерных сил к запуску. Естественно, что при драматическом изменении обстоятельств интересы обеспечения национальной безопасности могли бы потребовать отмены этих мер и возвращения сил в полностью боеготовое состояние. Но, несмотря на это, решение о снятии сил с боевого дежурства внесло бы разумную задержку в процесс запуска стратегических носителей, что благоприятно бы влияло на создание более надежного контроля над ядерными силами, снижение повседневной напряженности, связанной с ядерным оружием, а также способствовало бы укреплению уверенности в намерениях другой стороны. Снятие с боевого дежурства не означает ликвидации ядерного оружия, но оно, в отличие от принятого в 1994 году Ельциным и Клинтеном решения о ненацеливании ракет, которые вновь могут быть нацелены на свои прежние объекты в течение считанных секунд, устранил ситуацию, когда ядерные силы обеих сторон находятся на грани запуска. В то же время, решение о снятии ядерных сил с боевого дежурства сохранит значение основополагающего (хотя и остаточного) эффекта ядерного сдерживания практически на том же уровне, что и в рамках варианта постоянной боеготовности, опробованного в годы холодной войны".

В развитие этих идей специалисты США предлагают некоторые шаги, которые могли бы быть предприняты уже в ближайшее время:

- Соединенные Штаты могли бы снять с ракет МХ блоки управления и хранить их внутри шахтных пусковых установок этих МБР.
- На защитные крышки российских и американских ракетных шахт могли бы быть установлены тяжелые предметы, а пороховые заряды, которые сегодня используются для экстренного открытия крышек шахт, могли бы быть демонтированы.
- Россия могла бы снять со своих ракет - как стационарных, так и мобильных - бортовые источники питания.

· Российские мобильные ракеты могли бы быть выведены из своих гаражей и развернуты в направлении на юг, с тем чтобы затруднить быстрый пуск ракет в северном направлении (то есть по Соединенным Штатам). Мобильные пусковые установки могли бы быть поставлены на козлы, а шины с их колес в этом случае были бы сняты. Для того, чтобы сделать невозможным быстрый пуск ракет в то время, когда мобильные пусковые установки находятся в своих гаражах, поверх открывающихся крыш гаражей могли бы быть уложены тяжелые металлические балки.

· Соединенные Штаты могли бы сократить долю своих стратегических подводных лодок, постоянно находящихся в море, с нынешних двух третей до одной трети.

· Россия могла бы снять и отправить на объекты хранения боеголовок ракет подводных лодок, которые в готовности к немедленному пуску ракет несут дежурство у пирсов, оставаясь при этом крайне уязвимыми. Крышки нескольких пусковых установок подводных лодок, находящихся в базах, могли бы оставаться открытыми с тем, чтобы сделать возможной проверку. Пусковые установки, крышки которых были бы открыты, ежедневно менялись бы.

· В море как российские, так и американские подводные лодки могли бы находиться в состоянии пониженной, а не полной готовности. Такая мера гарантировала бы, что для подготовки к запуску ракет подводным лодкам понадобилось бы несколько часов.

Нанн и Блэйр предлагают всерьез подумать о немедленном снятии нескольких сотен боеголовок с ракет, стоящих на боевом дежурстве в обеих странах, с тем, чтобы поощрить принятие и других мер по снижению боеготовности. "Если бы Соединенные Штаты сняли с дежурства ракеты МХ и поместили бы в контролируемое хранилище применяемые на ракетах "Трайидент-2" боеголовки W-88 - а обе эти системы российские военные рассматривают как средство нанесения первого удара - то Россия, вероятно, готова была бы снять с боевого дежурства основную часть своих стратегических сил, предназначенных для запуска по предупреждению. В этом случае число готовых к немедленному запуску российских боеголовок упало бы со многих тысяч до всего лишь нескольких сотен."

По мнению авторов, все эти меры могут "быть быстро реализованы на взаимной основе без проведения длительных переговоров по контролю над вооружениями. Они основаны на равенстве, недороги и проверяемы путем непосредственного наблюдения с использованием обычных мер проверки и существующей системы контроля на месте. Отход от этих мер требует времени и легко проверяем".

Хотя эти шаги поддаются в достаточной степени проверке, значительное число снятых с боевого дежурства соединений стратегических сил в любом случае останутся не затронутыми этими мерами. Если какая-либо из сторон не готова снять с боевого дежурства все свои ядерные силы и сохранить на боевом дежурстве их небольшую часть, она по крайней мере может сосредоточиться на укреплении системы обеспечения операционной безопасности этих средств.

По мере укрепления доверия обеим сторонам необходимо предпринять серьезные и хорошо проверяемые шаги по снятию со стратегических носителей боеголовок. Эта мера может быть осуществлена в течение нескольких месяцев.

Для решения проблемы уязвимости боеголовок, находящихся в нескольких хранилищах, часть их должна находиться в укрепленных хранилищах, рассредоточенных на значительной территории - например, боеголовки с ракет, находящихся в укрепленных шахтах, могут находиться в свободных шахтах, частично заполненных бетоном, что делает их непригодными для размещения ракет.

"Снятие боеголовок стратегических носителей с боевого дежурства, - заключают американские эксперты, - приведет и к повышению ядерной безопасности. Это не решит проблему охраны снятых боеголовок, ядерных материалов, или ядерных

технологий, однако значительно уменьшит серьезные опасности, связанные с ослаблением ядерного контроля в России, а также уже сегодня оставит в прошлом маловероятную угрозу внезапного преднамеренного первого ядерного удара."

КАК ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ СДЕРЖИВАНИЯ

Анализ политических и военных аспектов доктрины сдерживания недвусмысленно свидетельствует о том, что она внутренне противоречива и крайне опасна.

Классическим выражением философии, на которой основана эта доктрина, является известное изречение Уинстона Черчилля. Он заявил в палате общин в 1955 году, что благодаря ей "безопасность является здоровым дитём страха, а выживание - близнецом уничтожения". В этом состоит главный порок, составляющий сердцевину доктрины сдерживания: мы пытаемся избежать самоистребления, угрожая совершить его. Если безопасность - это "здоровое дитя страха", то свое существование мы должны основывать на страхе. И если выживание - это "близнец уничтожения", то мы должны культивировать уничтожение. Но тогда мы должны смириться и с тем, что в конечном итоге мы можем получить его. Ведь то, что катастрофа до сих пор не произошла, не означает, что она не произойдет никогда. И если исходить из теории вероятности, то следует констатировать, что пока ядерное оружие не изъято из арсеналов государств, война не только может произойти, но неизбежно произойдет, если не в этом году, то в следующем, а если не в следующем, то через два, через три или через десять лет.

Нельзя не видеть, что дилемма доктрины сдерживания, состоящая в том, что ради спасения человечества, его выживание надо поставить под угрозу, - это западня, из которой нет выхода до тех пор, пока государства располагают ядерным оружием. Единственный способ вырваться из нее - снять с ядерного оружия ответственность за обеспечение обороны отечества.

И здесь мы подходим к самому главному. Реальна ли эта задача? Сторонники доктрины ядерного сдерживания не устают утверждать, что замены этой доктрине нет, поскольку она является всего лишь концентрированным выражением военно-силового противоборства государств на международной арене, которое на протяжении всемирной истории составляло основу системы международных отношений.

С этим доводом трудно не согласиться. Неоспоримой реальностью нашего времени, однако, является и то, что ядерная революция по существу взорвала эту систему, властно поставив в повестку дня мировой политики вопрос о поиске для нее творческой альтернативы.

Главное достоинство доктрины ядерного сдерживания, само внедрение которой в политическое мышление государств явилось отчасти отражением кризиса его традиционных, казалось бы, незыблемых, военно-силовых постулатов в ядерный век состоит в том, что она исходит из совершенно верной посылки, согласно которой конфликт с применением ядерного оружия не может завершиться победой ни одной из сторон и угрожает уничтожением всего человечества. Из признания недостижимости победы в такого рода столкновении доктрина сдерживания делает вывод о том, что единственная цель обладания ядерным оружием - это предотвращение самой войны. В этом смысле в создавшихся условиях реальное оружие наполовину уже утратило свою роль: оно превратилось в чисто психологическое оружие, предназначение которого состоит не в применении, а в поддержании некоего постоянного состояния ума - страха в противнике.

Что же мешает завершить ядерную революцию и сделать само ядерное оружие достоянием фантастики - не ракетами,

застывшими в шахтах, в готовности к пуску, а только мыслью в наших умах?

Честный ответ на этот вопрос, вероятно, может быть только один: в то время как чудовищная мощь ядерного оружия привела фактически к самоотрицанию войны, а вместе с этим сделала несостоятельной существовавшую веками систему международных отношений, основанную на военной силе, никаких серьезных совместных усилий по созданию системы, ее заменяющей, по существу предпринято не было. Поэтому и вопрос об альтернативе сдерживания до сих пор остается без ответа.

Было бы, вероятно, ошибкой сказать, что поиск такой альтернативы не начался вообще. В частности, в свое время СССР сформулировал основы всеобъемлющей системы международной безопасности в военной, политической, экономической и гуманитарной областях. Однако эта идея не нашла понимания со стороны Запада, поскольку в его представлении такая система не способна привести к исчезновению конфликтов и отменить вековые законы взаимодействия государств на основе факторов силы. А потому она и не могла стать альтернативой сдерживания. С другой стороны, обсуждение в США вопроса о пересмотре существующей военно-стратегической доктрины в связи с уменьшением военной угрозы со стороны России пока не привело к сколь бы то ни было серьезному отходу политической элиты от ориентации на тот или иной вариант прежней доктрины, будь то "просвещенное сдерживание", "оборонительное сдерживание", "неагрессивное сдерживание", "сдерживание-предотвращение ядерной войны" и т.д. Даже наиболее радикальное предложение США в этом ряду - "стратегическая оборонная инициатива" (СОИ), которая, как обещал Рейган, должна была вести к "отмене" доктрины ядерного сдерживания, на проверку оказалась, как признавали впоследствии многие американские специалисты (и в частности К.Эдельман), попыткой подвести под эту доктрину лишь новую материально-техническую базу.

В этом контексте приходится признать, что в условиях разделенного мира задача понижения уровня ядерного противостояния, по всей вероятности, исчерпывается достижением уровня минимального ядерного сдерживания. Для того, чтобы полностью преодолеть сдерживание, необходимо преодолеть и существующую в настоящий момент структуру международных отношений, неотъемлемой чертой которой является сохранение пока еще глубоких различий в позициях технологически развитых государств и нестабильности в мире развивающихся стран. Это, вероятно, возможно лишь на основе внедрения в современную систему международных отношений элементов "всемирного федерализма", позволяющего в перспективе выйти на их кардинальную перестройку по принципу "Соединенных Штатов Мира". Это была бы централизованно регулируемая система, в которой ее члены добровольно передали бы часть своего национального суверенитета наднациональному демократическому органу. Такой механизм и был бы надежной альтернативой ядерному сдерживанию.

На первый взгляд такая перспектива кажется утопией - настолько она расходится с сегодняшними реальностями и не похожа на все, что мы наблюдаем вокруг.

Вместе с тем тенденции международного развития, отчетливо проявившиеся в последние годы, свидетельствуют о том, что для изменения системы международных отношений в данном направлении складываются важные объективные предпосылки. Речь идет не только о кризисе военной силы, проявляющегося в том, что война - не только ядерная, но и обычная - перестала быть средством достижения любых рациональных целей, но и о возрастании политической и экономической взаимозависимости, резкой активизации интеграционных процессов в условиях которых размываются сами понятия государственного суверенитета, национальных территорий и границ, обострения глобальных проблем,

решение которых возможно только совместными усилиями всех государств. Повсеместно усиливается понимание того, что современный мир - не совокупность взаимоисключающих цивилизаций, что он имеет общую судьбу.

Становится все более очевидным, что интересы национальной безопасности могут быть обеспечены для каждой страны лишь в сотрудничестве и взаимодействии с другими государствами. И главной угрозой безопасности является в современных условиях перспектива изоляции от мирового сообщества - осуществляется она сознательно или бессознательно.

Важные интеграционные процессы происходят в политической сфере, хотя пока и в формах, унаследованных от периода холодной войны. На европейском континенте начали постепенно вызревать крупные элементы новых структур международной безопасности. Ось глобальных противоречий и соответственно угроза безопасности уже переместилась из плоскости отношений Восток - Запад в плоскость отношений Север - Юг. Это объективно толкает промышленно развитые страны "в объятия друг друга", делает все более несостоятельной необходимость перехода в их отношениях от пассивного взаимопонимания к активному взаимодействию и деловому партнерству с целью поддержания динамической стабильности в условиях стремительно развивающихся в мире перемен.

Одновременно - пока еще также в старых формах - идет процесс глобализации экономической жизни, который в конечном счете должен привести к интегрированному мирохозяйственному базису и подлинно всемирному - без каких бы то ни было исключений и дискриминаций - единому рынку. Очевидно, что в этих условиях безопасность станет естественным состоянием и потребность сдерживать кого-либо просто отпадет, как, скажем, она отпадает уже сейчас в отношениях между Бельгией и Нидерландами.

На фоне происходящих в мире интеграционных процессов и стремительных перемен система международных отношений, основанная на ядерном сдерживании, выглядит нелепым гибридом, застрявшим на полдороги между тем, что философы называют "природным состоянием", - индивидуумы живут совместно, не учреждая над собой какой-либо центральной власти, - и так называемым "гражданским состоянием" для которого характерно наличие такой власти. При переходе от "природного состояния" к "гражданскому" каждый индивидуум "уступает" свое право на обеспечение личной безопасности центральной власти, которая затем использует предоставленные ей полномочия в соответствии с определенной системой законов для служения всеобщему благу.

По-видимому, нечто подобное в перспективе должно быть осуществлено в масштабах всего человечества. Только это может дать единственно надежную гарантию ядерного разоружения. Если последнее не будет сопровождаться глобальными политическими преобразованиями, то при каждом столкновении интересов государства будут подвергаться искушению вновь взяться за орудия насилия и таким образом повести мир вспять к угрозе уничтожения. Если, с другой стороны, эти политические преобразования не будут сопровождаться ядерным разоружением, то принимаемые политические решения не будут обязывающими, ибо их можно будет оспорить с помощью военной силы. Таким образом, преодоление сдерживания - это двуединая задача. Она предполагает окончательное преодоление идеологических стереотипов, которыми человечество жило в последние восемьдесят лет, видение не только краткосрочной, но и долгосрочной перспективы развития цивилизации, и недвусмысленное признание того, что образцовое общественное устройство третьего тысячелетия будет характеризоваться синтезом всего позитивного опыта, накопленного человечеством.